

Субботные встречи

Их было три друга — Юрий Никитин, Сергей Иванов и Петр Тодоровский. Вместе после военного училища они попали на фронт и оказались в одной дивизии. Юрий был убит через неделю. После войны двое уцелевших встретились и вспоминали третьего, погибшего. Тодоровский тогда был оператором, уже снявшим «Весну на Заречной улице», «Два Федора», «Жажду». Он решил сделать фильм в память о своем друге. И вместе с еще одним бывшим фронтовиком из славного поколения «повзрослевших до поры» и ушедших на войну мальчишек — Булатом Окуджавой — написал сценарий о советском юноше, у которого за плечами были только детство, первая любовь и Родина, и их надо было защитить, став солдатом...

Было это без малого двадцать лет назад. А потом вышли на экран фильмы «Фокусник», «Городской романс», «Последняя жертва», «Любимая женщина механика Гаврилова» и, наконец, «Военно-полевой роман»...

Петр ТОДОРОВСКИЙ:

«СЫГРАТЬ СВОЮ МЕЛОДИЮ»

— Петр Ефимович, в чем заключается ваш личный, душевный опыт, вынесенный из военных лет?

— Человека во многом делает его молодость, когда он жадно впитывает жизнь. И даже военная молодость, это все равно, по крайней мере для меня, — лучшие годы! С ними сопрягается остальная жизнь. Тогда, в войну, очень просто и определенно проверялось все истинное и ложное. Быть хорошим другом и говорить правду от всего сердца — этому учил фронт.

Тогда же я понял, кем хочу быть после войны, при условии, что уцелею. В марте сорок пятого войска 1-го Белорусского вели тяжелые бои на Штеттинском плацдарме, готовилось наступление на Берлин. На пятый-шестой день бои утихли, враг откатился за Одер, и мы вышли к реке. Было раннее утро. Подъехал грузовик. С него прыгнул человек в шине-

ли, с саперной лопаткой и автоматом. Он был такой же усталый, пропыленный, как и все мы. Но он достал кинокамеру и стал снимать проходящих мимо бойцов: измученных боем, заросших, раненых. Я помню, как тогда позавидовал этому человеку: он оставлял на память людям само время, как оно есть, и никто не мог сделать этого, кроме него. Я тоже захотел стать кинооператором.

— Наверное, вы могли бы повторить вслеп за Давидом Самойловым: «Как это было! Как совпало — война, беда, мечта и юность! И это все в меня запало и лишь потом во мне очнулось!» Но в ваших фильмах действие никогда не разворачивается на фронте; в «Военно-полевом романе» война это как бы пролог к событиям на экране, а «Верность» кончается стол-кадром первой атаки торо. Все ли «очнулось» в вас, что хранит память о тех годах? — Есть, конечно, у меня

свои фронтовые воспоминания. Но мне кажется, что сегодня нужно обращаться к войне не с целью показать размах сражений, атаки, военные операции, а чтобы извлечь из прошлого те нравственные проблемы, которые важно спроецировать на нашу современность. Иногда необходима дистанция в двадцать-тридцать лет, прежде чем поймешь — пришло время рассказать, пора. Так было с «Военно-полевым романом».

— Как возник замысел фильма?

— Это давняя история, которая волновала меня много лет. Еще студентом первого курса ВГИКа я как-то в зимний морозный день шел мимо ЦУМа и вдруг услышал до боли знакомый голос с хрипотцой. Обернулся и увидел женщину в телогрейке, в перчатках без пальцев, с ободранным маникюром. Она продавала пи-

рожки. Рядом с ней сидела закутанная в какой-то драпанный платок маленькая девочка. Эта встреча пронзила меня — передо мной стояла возлюбленная нашего комбата Миронова, прекрасная женщина, недосыгаемая и вызывавшая у нас восхищение...

Я написал сценарий, много лет вынашивал замысел фильма и рад, что теперь его реализовал. Как мне кажется, я сыграл свою мелодию. Плохо, когда художник берет за ту мелодию, которую ему не дано понимать, которую он не чувствует. У меня были уходы от своей темы, и это кончалось, мягко выражаясь, не совсем благополучно. На этот раз я высказал то, что было на душе. И поскольку эта история высказана от всего сердца, надеюсь, она затронет другие сердца.

Я хотел снять фильм о доброте и о любви. Или о доброте подлинной любви. Вульгарную, озлобленную, надломившую женщину, с которой судьба обошлась круто, герой фильма Саша Нетужилин возвращает к себе самой, красивой и гордой. После войны восстанавливали дома и заводы. Души тоже надо было восстанавливать. Одну такую душу возродил к жизни Саша Нетужилин своей восторженной, бескорыстной любовью.

Это было больше, чем любовь — человечность. Хотя, может быть, настоящая любовь и есть самое полное проявление человечности?

Как это важно: почувствовать боль другого, постороннего человека, не близкого, не отца, не матери, а постороннего. Мы спешим, нам некогда, зачастую пробегаем мимо беды. А стоит чуть задержаться, выслушать, сказать доброе слово, как-то поддержать в трудную минуту — и можно спасти человека.

— Лирический герой ваших фильмов — это вариант по сути одного и того же человеческого типа. Чем он наиболее дорог вам?

— У меня сейчас такое

ощущение, что я снял продолжение своего первого фильма «Верность». Он был о том, с каким запасом нравственных сил молодой человек уходил на войну. Сейчас же я снял фильм, в котором хотел передать, каким он с войны вернулся. Принято считать, что война ожесточает сердца людей, видевших много крови, смертей и горя. Однако Саша Нетужилин возвращается духовно окрепшим, не утратившим нежности, доброты, искренности.

Про всех своих героев я одно знаю совершенно точно — они никогда не предадут. Никогда, что бы ни случилось. Верность — их естество.

Таков курсант Юра Никитин. Таков фокусник Кукушкин. Механик Гаврилов назиданку вывернется, но придет, хоть к концу фильма, но придет, потому что знает: самое страшное — обмануть того, кто тебе поверил, кто тебя ждет и любит. И Нетужилин не отступится от Любы Антиповой. Не побоятся быть добрым, не постесняются быть искренним. Он по-детски доверчив и открыт, не хитрит, не притворяется. Кажется, совсем беззащитный человек. Таких, как Саша, многие считают слабыми, принимая за слабость деликатность, уживчивость. Но ведь уступчивы они только в мелочах, а когда до серьезных, принципиальных вещей доходит — тут их не сдвинешь, не сломаешь. У них есть свои представления о том, как жить, каким быть, и они им не изменяют.

Это люди с чистой, ясной душой. Хотя много разного в ней творится, и мучается она, и болит, но трепетно и сильно умеет чувствовать.

Мои любимые герои сами порой обманываются, но не обманывают ничьих надежд. В них есть постоянство. И прежде всего они верны себе.

— В них, очевидно, выражены и ваши собственные представления о человеке, о ценностях жизни...

— Очень важно, наверное, заниматься в жизни своим делом, любить его — то-

да можно быть спокойным, не надо суетиться, что-то постоянно доказывать, кому-то завидовать.

В моих фильмах нет отрицательных персонажей. Не потому, что я их не вижу в жизни или сам с ними не сталкиваюсь. Но плохие люди мне неинтересны и неинтересно снимать о них фильмы. Может быть, я их плохо понимаю, поэтому так и получается.

Многое, я думаю, зависит от характера. Память даже из далекого прошлого отбирает больше хорошего, чем плохого. В конце первого курса меня собирались отчислить из ВГИКа. Один доброжелательный педагог долго убеждал, что оператора из меня не получится, что мне пора жениться, кормить семью и надо приобретать профессию попроще, понадежнее. Когда я сейчас это вспоминаю, то смеюсь. Мне трудно восстановить в душе тогдашнее чувство трагедии или хотя бы обиды.

Я ведь почему об этом вспомнил? Не надо подолгу угрюмо скорбеть по поводу собственных неприятностей. Нить, жаловаться, носиться с ними, как с писаной торбой, хуже того — эту торбу еще и на кого-то вваливать. Это уже просто безтактно. И не надо травить себе душу, лелея в ней воспоминания о своих обидах и бедах. Беды неизбежны, они тоже часть жизни. Единственное, что можно делать с невзгодами, это их преодолевать и быстрее от них отрешаться. Особенно, когда дело касается вещей суетных, тщеславных.

Мы часто не умеем в хорошем смысле слова пользоваться жизнью, не думаем, какая это удача — просто жить! Видеть, что небо ясное, море синее, трава зеленая, земля теплая. Цветы растут, женщина улыбается, впереди прекрасная неизвестность, и можно взять в руки гитару и спеть песню, свою или друга... Хорошо!

А. МХИТАРЯН.

МОСКВА.

Фото Я. ГУДКОВА.